

Особенности и многообразие идентичностей в современной Беларуси

Аннотация

Осуществлена концептуализация исходных понятий рассматриваемой темы (идентичность, идентификация). Раскрывается процессуальная сущность идентификации как сложного и многогранного социального явления. Показано, что идентичность есть субъективное переживание человеком своей индивидуальности в качестве тождественной самой себе целостности. Она представляет собой не свойство, а отношение, формирующееся, закрепляющееся и трансформирующееся в процессе социального взаимодействия. Идентичность может проявляться по отношению к социальным феноменам трех уровней: а) человечество в целом и общечеловеческое в индивидуе; б) социальная общность людей; в) отдельная личность.

В иерархии идентификационных самоопределений людей различных социальных статусов и возрастов приоритетные позиции занимают микроидентификации. На основе обобщения данных мониторинговых исследований осуществлена социологическая экспликация статусно-мировоззренческих и социокультурных религиозных, этнонациональных и гражданских идентификаций.

Ключевые слова: *идентичность, идентификация, групповая идентичность, религиозная идентичность, национальная идентичность, гражданская идентичность*

Идентичность современного человека определяется его сознательной ориентацией на определенный образ жизни, конкретную систему ценностных ориентаций и образцов поведения, в которых он формирует свою тождественность с определенной социальной группой, культурой, политической системой. В структуре идентичности выделяются индивидуальный и социальный (групповой) уровни. В первом отражается совокупность первоначальных характеристик, придающих индивиду качество уникальности, во

втором — результат идентификации с ожиданиями и нормами его социальной среды. Личностное “Я” формируется и развивается в результате взаимодействий этих двух уровней. В личностной идентичности проявляется неотъемлемое право человека оставаться в любых обстоятельствах самим собой. Выделяются различные типы социальной идентичности — личностная, профессиональная, этнонациональная, политическая, гражданская и др. В современном и постмодерном обществах она становится более динамичной, чем в прежние эпохи, вследствие чего в течение своей жизни индивиды способны ее изменить. Это отчетливо проявилось вследствие распада Советского Союза и образования на его развалинах самостоятельных, независимых государств, когда господствовавшая ранее советская идентичность большинства людей изменилась на гражданскую идентичность, проявляющуюся в соотношении себя с определенной страной постсоветского геополитического пространства — Российской Федерацией, Беларусью, Украиной и др.

Осуществленная концептуализация базовых понятий рассматриваемой проблемы не вызывает никаких сомнений в процессуальной сущности идентификации как сложного и многогранного социального явления. Несколькими в меньшей степени бросается в глаза, но все-таки реально проявляется процессуальный характер идентичности. Хотя она обладает относительной устойчивостью, тем не менее ей присущи и элементы изменчивости, проявляющиеся в более или менее явных изменениях как состава ее компонентов, так и значимости каждого из них.

Как же определить идентичность, представляющую собой важный социокультурный феномен? Идентичность есть субъективное переживание человеком своей индивидуальности в качестве тождественной самой себе целостности. Она представляет собой не свойство, а отношение, формирующееся, закрепляющееся, а иногда и трансформирующееся только в процессе социального взаимодействия. Идентичность может проявляться по отношению к социальным феноменам трех уровней: а) человечество в целом и общечеловеческое в каждом конкретном его представителе; б) определенная социальная общность людей (национальная, территориальная, профессиональная, социокультурная, конфессиональная, возрастная, половая и др.); в) отдельная личность в конкретной уникальности своего реального существования. В субъективном восприятии каждого индивида в большей или меньшей степени представлены все три уровня.

По мере углубления и качественного многообразия структурированности и процессуальности современных модернизирующихся обществ возрастающую значимость в жизнедеятельности людей наряду с индивидуальной идентичностью приобретает идентичность групповая. Она возникает в совместной разнообразной жизнедеятельности множества индивидов, при которой переживания, стремления, действия и отношения одного или нескольких членов группы воспринимаются и реализуются другими в качестве мотивов поведения, организующих их собственную деятельность, направленную на осуществление общей групповой цели и решение вытекающих из этой цели совместных задач. Такие мотивы, создающие в своих различных проявлениях многообразное мотивационное пространство совместных действий и содействия им, становятся смысловыми установками, превращаются в устойчивые социально-психологические характеристики как всей группы, так и каждого ее члена. Подобные установки (иногда бессозна-

тельно, на уровне неосознанных чувств, переживаний, влечений) выполняют роль модусов, общепринятых норм ценностно-идентичной экспликации, соотносящей, анализирующей “Я-образ” определенной личности, идентичной по своим социальным качествам самой себе, с групповым образом “Мы” определенной групповой, этнической, территориальной, социокультурной, религиозной или другой целостности (мы — христиане, мы — белорусы, мы — интеллигенты, мы — рабочие и т.п.).

Многолетние социологические исследования, проводимые в Беларуси, неизменно показывают, что в иерархии идентификационных самоопределений людей различных социальных статусов и возрастов неизменно приоритетные позиции занимают *микроидентификации*, то есть идентификации человеком себя с малыми социальными группами — со своей семьей, с близкими, знакомыми, с коллегами по учебе и работе. В частности, осуществляемое в режиме мониторинга Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси социологическое исследование зафиксировало в 2012 году (опрошено 2108 человек во всех регионах страны), что идентифицируют себя со своей семьей и близкими 81,6% респондентов (валидный процент — 85,0), так идентифицируют себя редко 11,5% опрошенных (валидный процент — 12,0), практически никогда — только 2,9% респондентов (валидный процент — 3,0), не ответили на поставленный вопрос 3,9% опрошенных. Примечателен в связи с этим ответ на задаваемый в 2012 году белорусскими социологами своим респондентам вопрос: “Как бы Вы ответили на вопрос, ради чего вы живете?” При ранжировании ответов на данный вопрос первые два места с большим отрывом от всех остальных составили ответы “Ради семьи” (77,2%) и “Ради детей” (70,8%).

Существенное значение в выявлении особенностей микроидентификации людей в современном обществе имеет отождествление индивидом себя не только с семьей, но и с другими малыми социальными группами, в том числе с друзьями, знакомыми, с коллегами по учебе или работе. Социологические замеры в Беларуси показывают, что очень часто чувствуют свою общность с друзьями и знакомыми 73,8% опрошенных (валидный процент — 77,9%), редко — 17,7% (валидный процент — 18,0), практически никогда — 3,3% (валидный процент — 3,0), а не ответили на этот вопрос 5,2% от общего числа респондентов. Сравнительно более низкими показателями характеризуется идентификация индивида себя с коллегами по учебе и работе. Часто отождествляют себя с ними 50,6% от общего количества опрошенных (валидный процент — 54,8), редко — 30,75% (валидный процент — 33,2), практически никогда — 11,1% (валидный процент — 12,0), не ответили 7,6% респондентов.

Идентификация в своем реальном проявлении предстает как процесс отождествления индивидом самого себя с другими индивидами, социальными группами и/или общностями, ценностными стандартами и образцами поведения. Формируется, закрепляется либо трансформируется она в результате социального взаимодействия и помогает индивиду овладеть различными видами социальной деятельности, усваивать и осуществлять определенные социальные нормы и роли. Объектами этого процесса могут выступать реальные люди, их поведенческие особенности, социальные общности, а также герои художественных произведений.

Поэтому актуальной задачей социологии является исследование изменяющейся идентификационной структуры современного общества. При решении данной задачи следует иметь в виду, что процессы идентификации значительно различаются в зависимости от социально-экономических и социокультурных условий страны, региона проживания и типа населенного пункта. Выделяются и активно взаимодействуют четыре основных индикатора: статусно-структуральный, мировоззренческо-социокультурный, гражданско-территориальный и идентификационный процесс отождествления личностью себя с малыми социальными группами.

В результате взаимодействия всех этих идентификационных процессов и их многостороннего влияния на мировосприятие и жизненные позиции личности современный человек как бы синтезирует в себе множество идентичностей, становится носителем многокомпонентной идентичности.

Исходя из сказанного правомерно утверждать, что наряду с личностной идентификацией (самоидентификацией) в социологических исследованиях следует учитывать существование широкого спектра других идентификационных процессов.

Первый тренд таких процессов составляет совокупность статусно-структуральных идентификаций, в которую входят отождествление личностью себя с людьми того же материального достатка, с людьми того же (или близкого) должностного статуса, а также с определенными социальными ролями и статусами.

Второй вектор идентификационных процессов (мировоззренческо-социокультурный) выражается в формировании социальной идентичности посредством отождествления индивидом себя с людьми того же уровня образования, с людьми, проводящими досуг так же, как данный индивид, с людьми такого же вероисповедания, с людьми, придерживающимися тех же нравственных принципов, с определенными виртуальными группами в Интернете.

Третьим трендом идентификационных процессов является становление гражданско-территориальной идентичности, воплощающейся в отождествлении конкретного человека с гражданами страны, реализующегося в приобщении его к определенной социальной гражданской социальной общности и обществу в целом в качестве гражданина страны, а также с жителями своего города, села, с людьми своего поколения.

Четвертый вектор развертывания идентификационных процессов получает выражение в идентификации человека с друзьями, знакомыми, с членами своей семьи, с близкими, с коллегами по работе или учебе.

Пятым вектором идентификации является формирование этнонациональной идентичности, проявляющейся в отождествлении индивидом себя с определенными этносом или нацией, свойственными им языком, менталитетом, культурой, традициями, образцами поведения, отличающими их от других этнических групп или наций и выражающимися в ценностных ориентациях и жизненных стратегиях.

Наконец, шестой тренд идентификационных процессов составляет гендерная идентификация, проявляющаяся в осознании индивидом себя как представителя определенного пола и служащая основной психологической интериоризации мужских или женских черт поведения.

В результате процесса идентификации возникает определенная идентичность, то есть соотнесенность индивида с теми социальными группами и общностями, которые он воспринимает и оценивает в качестве “своих” (семья, этнос, профессия, поселенческая общность, культура, религия и т.п.), в отличие от других, чуждых или незнакомых ему.

Следует иметь в виду, что именно в процессе идентификации индивид признает те или иные конститутивные (важные для самого существования группы — этнонациональной, территориальной, гражданской и др.) признаки и свойства своими собственными индивидуальными характеристиками, отождествляясь в том или ином отношении с данной группой. Иными словами, групповая идентичность поддерживается наличием тех или иных социальных институтов, объективно существующих показателей их деятельности и т.д. Но как таковая она имеет существенное значение также и как фактор формирования индивидуальной идентичности, самоидентификации, того, как индивид определяет сам себя.

Причем в данном процессе формируется не одна, а несколько различных идентичностей, исходной точкой которых является сама идентифицирующаяся личность. Все эти идентичности носят динамичный процессуальный характер, не имеют завершенности, а постоянно взаимодействуют, развиваются, изменяются, переконструируются.

Существует несколько типов идентификации. Для социологии наиболее существенное значение имеют два из них. Первый тип идентификации возникает тогда, когда индивид когнитивно заявляет о своей принадлежности к какой-либо группе, но не испытывает чувства близости к данному сообществу. Такие идентификации менее эмоционально нагружены. Ко второму типу можно отнести тех, кто не говорит о своей принадлежности к сообществу, но при этом испытывает чувство близости, причастности к нему, а это означает, что сообщество и его проблемы для него не безразличны, а, напротив, близки, понятны и важны.

Для выяснения особенностей идентичности, свойственной гражданам той или иной страны, большое значение, особенно в условиях современного модернизирующегося общества, имеет выявление социологическими методами основных параметров статусно-мировоззренческих и социокультурных идентификаций. К числу таких идентификаций следует отнести отождествление индивидами себя с людьми, разделяющими их взгляды на жизнь, с людьми той же профессии, тех же музыкальных предпочтений, тех же нравственных принципов, того же вероисповедания.

В многокомпонентной статусно-мировоззренческой идентификации в постсоветскую эпоху все большую социальную и личностно-психологическую значимость, как это показало крупномасштабное празднование 1025-летия Крещения Руси, происходившее в Москве, Киеве и Минске с участием глав государств и высших церковных иерархов, приобретает религиозная идентичность. В своей сущности религиозная идентичность представляет собой фиксирование социальным субъектом — индивидом или социальной группой — своей тождественности самому себе посредством приобретения через религиозную веру собственного экзистенциального опыта, включающего субъективное восприятие и осознание своей принадлежности к определенному религиозному сообществу. Она включает в себя богопочитание, богобоязненность, благочестивое настроение мыслей и чувств, на-

божность, приверженность религии, более или менее регулярное совершение религиозных обрядов, неуклонное следование предписаниям и заповедям религии, участие в богослужениях. Религиозность воплощает в себе степень влияния религии на отдельных индивидов, их различные социальные группы и общности и реализуется в религиозных представлениях и в культовой деятельности верующих. В сфере религиозности в современном обществе наряду с внутренней приверженностью человека религии существует так называемая внешняя религиозность, проявляющаяся в увлечении мистикой, астрологией, хиромантией и т.п.

Системообразующим основанием религиозной идентичности является религиозная вера, воплощающаяся в отношении человека к божественному и проявляющаяся в признании бытия Бога, в доверии, верности и поклонении ему. Она составляет основу религиозного сознания, поведения и образа жизни.

Религиозная идентификация конкретного индивида или социальной общности формируется в процессе перехода определенных идей, ценностей, символов, образов, сюжетов (библейских, коранических, иудаистских и др.) из внешнего мира — религиозная община, ритуал, традиция и т.п. — во внутренний мир — в сознание, чувства, веру, в представления о смысле жизни и предназначении человека. В феноменологическом истолковании религиозная идентичность выступает как стремление индивида или религиозной общности выразить в доступных образах, понять и объяснить непостижимое, сверхъестественное, божественное в рационально осмысленных и эмоционально прочувствованных волевых актах и действиях. В таком случае, как обоснованно утверждает А.Крылов, через обращение к вере человек приходит к пониманию себя, обретает гармонию с собой и посредством включенности в религию приобретает чувство принадлежности к сообществу, состоящему из других верующих.

Религиозная идентичность в своих реальных проявлениях предстает как многоплановый и многоярусный процесс. Реализуется она в различных вариантах религиозного поведения — участии в богослужениях, посещении храмов, чтении молитв, соблюдении религиозных обрядов, постов, праздников и других предписаний религиозного культа. А решающим интегратором всех этих разнокачественных поведенческих актов является религиозная вера. Именно религиозная вера подталкивает человека к открытости по отношению к Богу и его заповедям, рождает в нем целеустремленность коленопреклоненного отношения к божественному, что придает окружающим явлениям и процессам священный смысл, наделяет их религиозным значением, дает веру в наличие сверхъестественного — Бога, ангелов, архангелов, дьявола и т.п.

Регулярно осуществляемые в мониторинговом режиме в Беларуси социологические исследования религиозной идентичности позволяют выявить социодинамику конфессиональной идентификации ее населения. За период с 1998-го по 2012 год в Беларуси количество людей, причисляющих себя к православию, увеличилось на 21,1% при одновременном снижении доли приверженцев католицизма с 10,0% до 7,8% и некотором увеличении количества протестантов, а также сокращении доли тех людей, кто считает себя “христианами вообще”, без указания своей конфессиональной идентификации. Итак, только небольшая часть наших сограждан (около 5%) не

идентифицируют себя ни с какой религиозной конфессией (в молодежной среде в возрасте до 30 лет такую идентификационную позицию занимают 5,7% респондентов). Наиболее отчетливо выраженным идентификационным признаком здесь выступает принадлежность к той или иной возрастной когорте. Оказалось, что чаще других принимают участие в религиозных обрядах люди в возрастной группе от 50 лет и старше. Среди них несколько раз в течение года принимают участие в религиозных обрядах 30,7% от общего количества опрошенных, один-два раза в течение месяца — 8,6%, еженедельно — 6,7%, практически ежедневно — 1,9%. По первому из названных показателей пожилые люди превосходят молодежную когорту 16–29 летних в 1,2 раза, по второму — примерно в 1,4 раза, по третьему — более чем вдвое, по четвертому — более чем вчетверо. Никогда не участвуют в религиозных обрядах 19,2% от общего массива опрошенных молодых людей в возрасте 16–29 лет, а в возрастной группе 30–49 лет такую позицию занимает 14,9% респондентов, то есть в 1,3 раза меньше.

Наиболее впечатляющим дифференцирующим показателем интенсивности участия человека в культовых действиях является гендерный фактор. Проведенные в 2012 году эмпирические исследования в Беларуси показали довольно впечатляющую панораму подобных различий. Участвуют в религиозных обрядах несколько раз в год 21,8% опрошенных мужчин, но 34,5% женщин, то есть среди женщин практически в полтора раза больше, чем среди мужчин, тех, кто совершает религиозные культовые действия несколько раз в год. Чем более интенсивной и масштабной становится не вербальная, а практикуемая религиозность, тем больше превалирование женщин в такой практике. В частности, один-два раза в месяц в религиозных обрядах принимают участие 4,3% респондентов мужского пола и более чем вдвое больше — 9,1% — женщин. Ежедневно справляют такие обряды 0,5% опрошенных мужчин и 1,5% (то есть втрое больше) женщин. Никогда не участвуют в религиозных обрядах 23,8% от общего массива опрошенных мужчин, декларирующих свою приверженность религии, и 11,3% (в два с половиной раза меньше) респондентов женского пола.

Дифференцирующим признаком в религиозной идентификации является также уровень образования граждан. Ни с какой религиозной конфессией не идентифицируют себя 3,8% от общего количества лиц, имеющих неполное среднее образование, 5,1% — имеющих общее среднее образование, 4,1% — среднее специальное, 7,2% — высшее образование. Среди лиц, ежедневно принимающих участие в религиозных обрядах, 5,6% составляют люди с начальным образованием, 1,6% — с неполным средним, 0,7% — со средним общим, 0,7% — со средним специальным, 1,3% — с высшим образованием. А среди тех граждан, которые участвуют в религиозных обрядах один-два раза в год, лица с неполным средним образованием составляют 32,8%, со средним общим — 26,7%, со средним специальным — 27,8%, с высшим образованием — 25,3%. Это означает, что разница здесь незначительная и чаще всего уместается в пределах ошибки репрезентативности.

Наконец, следует рассмотреть вопрос, как влияет на религиозную идентификацию социальное положение людей. Не идентифицируют себя ни с какой религиозной конфессией 8,8% руководителей высшего звена (директора предприятий, руководители учреждений и организаций, работники городских и районных административных структур и др.), 11,3% руководите-

лей среднего звена (начальники смен, мастера и др.), 4,6% руководителей низшего звена (начальники цехов, отделов и др.), но 14,5% предпринимателей и фермеров, 5,2% рабочих, 7,1% крестьян и рабочих сельского хозяйства, 4,3% домохозяек, 5,5% учащихся и студентов. Принимают участие в религиозных обрядах один-два раза в год 18,0% руководителей высшего звена, 33,5% руководителей среднего звена, 31,8% руководителей низшего звена, 4,8% предпринимателей и фермеров, 30,4% рабочих, 43,5% крестьян и рабочих сельского хозяйства, 31,4% домохозяек, 20,1% учащихся и студентов, 29,3% неработающих пенсионеров. Ежеженедельно участвуют в религиозных обрядах 5,0% руководителей высшего звена, почти столько же руководителей среднего звена, 1,7% предпринимателей и фермеров, 2,4% рабочих, 3,1% крестьян и рабочих сельского хозяйства, 7,4% домохозяек, 4,2% учащихся и студентов, 8,1% неработающих пенсионеров.

Существует значительная дифференциация в уровне религиозной идентификации между различными регионами Беларуси. Гораздо чаще идентифицируют себя с определенной религиозной конфессией жители западных областей, чем восточных. Например, ни к какой религиозной конфессии не относят себя 1,5% жителей Брестской области, 3,9% — жителей Гродненщины, 4,3% — Могилевщины, 4,8% — Витебщины, 8,0% — города Минска. Если принимают участие в религиозных обрядах практически ежедневно 2,9% жителей Гродненской области, 1,7% — Брестской области, то в Гомельской области доля таких жителей опускается до 0,6%, в Могилевской — до 1,2%, а в Минске — до 0,2%. Обобщение и осмысление полученных результатов социологического исследования состояния религиозной идентификации в Беларуси убеждает в том, что основным эмпирическим индикатором, отличающим декларируемую религиозную идентичность от экзистенциальной религиозной идентичности, воплощенной в регулярности культового поведения людей, является частота участия в религиозных обрядах. Если учесть, что 14,9% опрошенных уклонились от ответа на соответствующий вопрос или затруднились с ответом на него, полученные от респондентов ответы об интенсивности их участия в религиозных обрядах дают возможность составить приближенную к реальности картину религиозной идентификации в современном белорусском обществе. Большинство опрошенных граждан, принимающих участие в религиозных обрядах один-два раза в год и даже несколько раз в год (56,2% от общего массива опрошенных), вполне можно считать людьми, декларирующими свою приверженность религии, но едва ли их следует относить к числу тех, кто является носителями экзистенциальной религиозной идентичности, проявляющейся в регулярном культовом поведении. К тому же следует принимать во внимание и тот факт, что 17% опрошенных никогда не принимают участие в культовых действиях. Следовательно, почти три четверти респондентов, в той или степени идентифицирующих себя с религиозным миропониманием (73,2%), не выступают активно действующими субъектами культового поведения, обладающими экзистенциальной, реализованной в практических действиях религиозной идентичностью. К таковым (с некоторыми оговорками) можно отнести только тех граждан, которые принимают реальное участие в религиозном поведении и совершают религиозные обряды несколько раз в день, ежедневно или еженедельно, а также тех, кто совершает такие обряды один-два раза в месяц. Доля таких людей среди опрошенных

составляет 12,8%. Именно эти 12,8% квантифицируют степень распространенности практикуемой религиозности и экзистенциальной религиозной идентичности в современном белорусском обществе.

Размышления над полученными эмпирическими социологическими данными приводят к умозаключению, согласно которому едва ли следует относить к подлинно верующим тех людей, которые принимают участие в религиозных обрядах один-два раза в год, а их набирается 27,5% от общего количества опрошенных. Со значительным сомнением можно отнести к верующим в полном смысле этого слова и тех людей, которые принимают участие в религиозных обрядах несколько раз в год (они составляют 28,7% опрошенных). Тем более к подлинно верующим нельзя отнести 17,0% опрошенных, которые вообще никогда не участвуют в религиозных обрядах. Если мы суммируем полученные показатели, то оказывается, что из общего количества людей, считающих себя верующими, почти три четверти — 73,2% — не являются подлинно верующими, а их приверженность религии является декларативной. К подлинно верующим людям, на мой взгляд, следует относить только тех респондентов, которые участвуют в религиозных обрядах ежедневно, еженедельно или, по крайней мере, один-два раза в месяц. В сумме к таковым относится 11,8% от общего количества респондентов. С некоторыми погрешностями к ним можно отнести половину из тех 14% людей, которые затруднились в ответе на вопросы об участии их в религиозных обрядах или уклонились от ответа на него, то есть примерно 7,0%. В итоге получается, что можно отнести к подлинно верующим примерно 19,0% от числа тех людей, которые декларируют свою религиозность.

Проследить направленность изменений религиозной идентификации в Беларуси за постсоветский период можно на основе обобщения данных, которые показывают, как возрастала или уменьшалась доля лиц, причисляющих себя к трем наиболее распространенным в Беларуси конфессиям. У белорусских православных религиозные идентичности, проявляющиеся в более или менее регулярном участии в богослужениях, выражены в среднем в 1,4 раза слабее, чем у протестантов, и в 1,2 раза меньше, чем у католиков.

Когда мы рассматриваем некоторые обобщенные данные в более конкретных проявлениях, в частности сквозь призму регулярности участия в культовых действиях граждан, причисляющих себя к религиозной вере, то общая панорама религиозной идентификации предстает в более яркой, временами даже контрастной форме. Если раз в неделю и чаще принимают участие в религиозных обрядах 3,8% православных и 28,5% католиков, то в среде протестантов доля лиц, участвующих в религиозных обрядах, составляет практически 92%. К тому же среди граждан Беларуси, причисляющих себя к православным, никогда не принимают участия в религиозных обрядах 12,2% от общего количества опрошенных, тогда как в среде католиков таковых выявлено всего 7,6%, а в среде протестантов — ни одного человека. При этом следует учитывать, что из числа опрашиваемых граждан затруднились с ответом на вопрос о регулярности участия в культовых действиях или уклонились от ответа 13,9%. Из их числа приверженцев католицизма оказалось 5,9%, а в протестантской среде их численность составила 27,3%, то есть более четверти общего количества опрашиваемых.

Все изложенное свидетельствует о том, что религиозная идентификация имеет отчетливо выраженный процессуальный характер. Данная про-

цессуальность в решающей степени детерминирована изменениями в экономической, политической, социокультурной ситуации в стране, органично сочетается с этнонациональной и гражданской идентичностями, а также с конфессиональными особенностями определенного вероисповедания.

Наряду с достаточно обширным кругом статусно-мировоззренческих социокультурных идентификаций в современном обществе функционирует еще один ярус макроидентификаций — статусно-структурный. Дело в том, что в процессе формирования и развития транзитивных обществ, к которым относятся как современная Россия и Украина, так и Беларусь, происходит образование новых социальных страт, групп, корпораций, качественно изменяются действующие в стране социальные институты. Существенным образом трансформируются их ценностные ориентации и жизненные стратегии, их предпочтения и представления о жизненном успехе. К этой идентификационной общности следует отнести тех индивидов и те социальные группы, которые отождествляют себя с людьми того же материального достатка, той же профессии и такого же (или близкого по своему содержанию) должностного статуса. Для индивидов и социальных групп, включенных в статусно-структурную идентификацию, характерны три основные поведенческие стратегии. Первая из них — стратегия прагматического поведения. Она исходит из отношения к работе исключительно как к источнику материальных благ и материального благополучия. Такой тип экономического поведения расценивается как наиболее близкий к рыночному типу, он предполагает сознательную ориентацию на зарплату, внешние материальные стимулы независимо от содержания деятельности. Вторая — это профессиональная стратегия. Для ее носителей работа представляет собой ценность в плане раскрытия личностных способностей, профессионального роста, проявления инициативы и творчества. В этой группе преобладают специалисты с высшим и средним образованием, содержание труда сохраняет самостоятельную ценность. Третью стратегию можно охарактеризовать как альтруистическую. К данной группе принадлежат люди, преданные профессии, для которых больше характерно моральное удовлетворение от профессиональной деятельности, нежели материальное.

Квантифицировать распределение идентификации респондентов с теми или иными из выделенных жизненных стратегий возможно в процессе проведения социологических исследований. Проведенные в конце 2012 года в Беларуси социологические замеры показали, что люди, идентифицирующие себя с первой из названных стратегий поведения — прагматически-рыночной, составляют в современном белорусском обществе чуть более трети ее населения (33,6%). Характерно при этом, что такая идентификация присуща в основном руководителям высшего звена — работникам властных структур, директорам предприятий, фирм, организаций (46,5%), а также предпринимателям, фермерам и самозанятым (59,8%). Вторая из названных поведенческих стратегий — ориентация на интересную работу по профессии — чаще всего проявляется у служащих и специалистов производственной сферы (37,7%), а также у студентов и учащихся (39,9%) и руководителей высшего звена. Альтруистическое стремление помогать людям чаще всего характерно для служащих без специального образования (34,5%) и домохозяйек (32,3%).

Какая бы из разновидностей разнообразных идентификаций в современном обществе ни становилась предметом теоретического осмысления и эмпирического социологического анализа, в любом случае необходимо принимать во внимание, что социальная, в том числе историческая, культурная, этническая идентичность белорусского народа опирается на прочную основу, которая складывалась и развивалась в едином русле формирования древнерусской народности вместе с русским и украинским народами, на основе общей для всех них системе базовых ценностей. Разумеется, в процессе многовекового развития ценностные, социокультурные, национальные, политические ориентации и предпочтения белорусов приобрели некоторые специфические черты и особенности, которые не всегда и не во всем совпадают с соответствующими национальными особенностями родственных им русского и украинского народов. В своей личной идентичности современные белорусы очень сходны, почти неотличимы от украинцев или русских. В этом виде идентичности наблюдается определенное своеобразие. Белорус в ситуации острого спора не станет рвать на себе рубашку, как русский, он более бережлив. Так же, как и в случае украинца, и глубже, чем в случае русского, в его личную идентичность вошло то, что называют в нашей стране, “ашчаднасцю” (бережливость), “добрасумленнасцю” (добросовестность) и “добразычлівасцю” (доброжелательность). У белорусов в их личной идентичности очень сильно развиты черты толерантности (отношение к людям иной национальности, культуры, языка, образа жизни как равно достойным партнерам), чувство “грамады” (общности с односельчанами, земляками), склонность к “талакі” (совместной работы на уборке урожая, строительстве колодцев, дорог, больниц и т.п.), “свойство памяркоўнасці” (добродушия, покладистости).

Первые зерна на благодатную почву формирования белорусской этнонациональной идентичности бросил известный белорусский поэт, прозаик, публицист Франтишек Богусевич (1840–1900). В своих поэтических сборниках “Дудка беларуская” (1891) и “Смык беларускі” (1894) он призвал развивать и обогащать белорусскую народную культуру, подчеркивая при этом: “Не пакайдаце ж мовы нашай беларускай, каб не умёрлі”.

Более четкую и рельефную огранку формирующейся национальной идее как интегратору самосознания и самоопределения народа, белорусской национальной идентичности придал выдающийся белорусский поэт Янка Купала. В своем знаменитом поэтическом произведении “А хто там ідзе?”, опубликованном в 1905 году, народный песняр дал вполне определенный и однозначный ответ — “беларусы”. Именно в этом слове сконцентрирована национально-объединительная идея, всколыхнувшая самосознание белорусского народа на обширных пространствах от Буга и Вислы до Днепра. Именно в этом объединяющем слове заключалась тогда главная идея национального самоопределения и государственного становления белорусского народа.

Принципиальная значимость созданного Я.Купалой вдохновенного гимна национальному самосознанию белорусов состояла в том, что он утвердил приоритет белорускости, поскольку основной этнос в нашей стране — белорусы, да и земля, на которой они живут, называется Беларусью. Однако рядом с самоназванием, воплощенным в объединяющем слове “беларусы”, выдающийся поэт рельефно выделил и социальное стремление белорусского народа — “людзьмі звацца”. Здесь национальное самоопределе-

ние и освобождение осознаются в нерасторжимом единстве с социальным освобождением. Кроме того, Я.Купала представляет в своем поэтическом мировосприятии белорусов и Беларусь “у агромністай такой грамадзе” — в общеполорусском единстве и сплоченности.

Идея возрождения и упрочения национального самоопределения звучит лейтмотивом и в творчестве другого народного поэта Беларуси, создателя национального поэтического эпоса — Якуба Коласа. Подлинной энциклопедией народной жизни стала его поэма “Новая земля”, в которой опоэтизированы повседневная жизнь и труд, обряды и традиции, духовное богатство и нравственная природа белорусского крестьянина. Своей лирико-эпической поэмой “Сымон-музыка”, трилогией “На ростанях” Я.Колас утверждает необходимость духовного становления белорусской нации, рисует своеобразие национальных путей развития Беларуси, которая находится на пересечении разных культур, религиозных конфессий, геополитических стремлений. Он создает галерею портретов национальной интеллигенции, выходцев из народа, “адраджэнцаў”, которые превыше всего ставят благополучие “роднага краю”, расцвет его духовной культуры.

Несколько позднее в Беларуси все шире и активнее на передний план в национально-возрожденческом движении выдвигается проблема осуществления национальной государственности. Огромную роль в аргументации этого аспекта национальной идеи сыграл выдающийся поэт М.Богданович. Активно выступая за необходимость сохранения и упрочения самобытности национального самосознания и культуры белорусского народа, его родного языка, он вместе с тем отмечал общность исторических корней белорусского народа и его культуры с исторической судьбой русского и украинского народов.

Основным же фактором реализации национально-культурной самостоятельности, подчеркивал М.Богданович, должно стать активное содействие “стремлению к государственной самостоятельности Беларуси”.

Специфические белорусские ответы на извечные вопросы человеческого существования в социальных пространствах общества и культуры ярко и выразительно сформулированы в оригинальном философско-эстетическом эссе Игната Абдираловича (псевдоним писателя, поэта и публициста И.Канчевского (1896–1923)) “Адвечным шляхам: Дасьледзіны беларускага сьветапогляду”. В этом произведении четко сформулирована жизненная потребность белорусского народа “определить свой идеал”, проявить “свою способность собственными шагами идти к творчеству собственных форм жизни”, создавать свою собственную “культурно-определенную жизнь на прочной основе собственных белорусских корней” и “независимости своего духа”.

Белорусская национальная идентичность не может быть неизменной, статичной, поскольку она представляет собой специфический способ нисхождения базисного, вечного в культурно-исторической динамике своего народа. Именно такими базисными ее ингредиентами, как уже отмечалось, являются трудолюбие, толерантность, “грамада”, “галака”. Но было бы совершенно неправильно представлять, будто эти характерные черты белорусской национальной идентичности остаются неизменными во все времена. Достаточно вспомнить широко распространенный в белорусском народе коллективный праздник “дажынкi”, знаменующий окончание уборочных работ, который существует на протяжении веков, но в современном своем

содержании и формах проявления значительно отличается от того, как этот праздник описан в известных белорусских этнологических трудах. К тому же в данном празднике, как и во многих других, белорусская национальная идентичность предстает не столько в смысле активизма, преобразования жизненного бытия, что в нем, несомненно, присутствует, но и в смысле принятия отдельными индивидами и социальными общностями свойственной народу “коллективной судьбы” (“грамада”, “талака”, “памяркоунасць”, “даб-разычлівасць” и т.п.). Реальная коллективность здесь проявляется не в неких абстрактных призывах-заклинаниях, а в трудовой и бытовой повседневности социального бытия.

Важным маркером национальной идентичности в социологическом исследовании является отнесение респондентами самих себя к той или иной национальности. Социологический опрос показал, что считают себя белорусами 84,2% респондентов, русскими — 9,7%, поляками — 3,1%, украинцами — 1,8%, представителями иных национальностей по 0,2%, а это очень сильно отличается от данных общереспубликанской переписи населения. Отождествляют себя с другими людьми той же национальности, к которой принадлежат респонденты более или менее часто 75,3% опрошенных (из которых часто такую идентификацию осуществляют 30,8%), а 18,8% никогда так себя не идентифицируют.

Среди компонентов национальной идентичности существенное значение принадлежит исторической памяти народа. Проведенные в Институте социологии НАН Беларуси социологические исследования дают интересный материал для построения нескольких обобщающих суждений по данному вопросу. Наиболее важным показателем для формулирования таких суждений следует считать вопросы “Какими событиями в истории Беларуси, по Вашему мнению, можно гордиться?” и “Какие события в истории Беларуси вызывают у Вас горечь?”. Чаще всего у жителей Беларуси вызывает гордость подвиг и победа советского народа, в том числе и белорусского, в Великой Отечественной войне. Если мы обратимся к досоветской истории, то чаще всего в оценках граждан Беларуси вызывает гордость деятельность белорусских просветителей Евфросинии Полоцкой, Кирилла Туровского, Франциска Скорины и др., а также период Великого княжества Литовского (ВКЛ), когда Беларусь вместе с Литвой существовали как единое государство, где важнейшие государственные установления, включая и Устав ВКЛ, публиковались на белорусском языке, который тогда функционировал в качестве административного. В советский период события, составляющие предмет гордости белорусов, — это быстрое (за пять лет) восстановление народного хозяйства, образования и культуры в Беларуси после победы в Великой Отечественной войне и участие Беларуси в создании ООН. А горечь в оценках граждан республики вызывают массовые репрессии в 1930–1940-х годах, развал СССР и Чернобыльская катастрофа. Что же касается современной истории Беларуси, то предмет гордости у ее граждан — достижение государственной независимости, экономическое благополучие страны, спортивные и культурные достижения.

Для правильного понимания и истолкования сущности и особенностей национальной идентичности существенное значение имеет выяснение ее взаимосвязи с менталитетом определенного народа, в русле рассматриваемой проблематики — белорусского народа. В своей сущности “менталитет”

как специфическое социологическое понятие представляет собой глубокий уровень индивидуального и коллективного сознания, умонастроения, мироощущения, интеллектуально-психологических установок и представлений, выражающих самобытное осознание его носителями окружающей реальности и определенным образом ориентирующих социальное поведение и стремления таких индивидов и социальных групп к интеграционному взаимодействию в рамках национальной идентичности.

Одной из самых характерных и устойчиво сохраняющихся особенностей белорусской национальной идентичности является толерантность — доброжелательное, уважительное, основанное на взаимном доверии и сотрудничестве отношение к носителям другого языка, другой культуры, другой конфессиональной принадлежности. Эта особенность детерминирована историческими и социокультурными тенденциями, поскольку в Беларуси на протяжении нескольких веков функционируют и мирно сосуществуют представители свыше 180 различных национальностей и более 30 разных вероисповеданий.

В национальной идентичности белорусов индивидуальное “Я” (личностная идентификация) синтезируется воедино с социокультурным идентификационным интегратором “Мы”. Это находит реальное проявление в существовании в совокупности различных идентификационных групп в республике. Самой обширной по численности группой респондентов, осуществляющих идентификационное самоотождествление, являются те индивиды, которые уподобляют себя людям своей национальной (причем часто — 30,8% опрошенных, иногда — 44,5% (то есть в сумме — более трех четвертей от общего массива респондентов), а никогда — только 18,8%). Наиболее часто такую позицию занимают руководители высшего звена (18,2%), служащие, специалисты непроектной сферы (почти 81%) и, особенно, учащиеся и студенты, среди которых отождествляют себя с людьми своей национальности более 92% (причем часто — 69% от общего количества опрошенных в этой социальной группе, или почти в 2 раза больше, чем в среде руководителей высшего звена).

Наряду с национальной идентичностью примерно в тех же количественных показателях в современном белорусском обществе проявляются особенности и отличительные черты гражданской идентичности. Она реализуется в процессе отождествления индивидом или социальной группой себя с базовыми ценностями, присущими гражданам данной страны и проявляющимися в их статусных и социально-ролевых характеристиках, в ценностных ориентациях и жизненных стратегиях поведения.

Формирование гражданской идентичности личности тесно связано с процессом усвоения личностью различных элементов национального сознания, поведения, традиций, культуры, языка, то есть с этнонациональной идентичностью. Однако когнитивное наполнение гражданской идентичности в чем-то совпадает, а в чем-то не совпадает с этнонациональной. Этническая идентичность в основном базируется на языке, культуре, национальности родителей, историческом прошлом, общности территории. Гражданская идентичность — на политической и правовой культуре, гражданской активности, на формировании и функционировании институтов гражданского общества. Она более динамична, чем этническая. Когнитивное наполнение той и другой идентичностей способны дополнять друг друга. Это дает

основания говорить о совместимости таких идентичностей при определенных условиях. Формирование гражданского сознания, солидаризации с ценностями человеческого достоинства, свободы и ответственности, уважения к индивидуальному выбору может стать фактором, цементирующим гражданскую и этническую идентичность, делающим государственную идентичность привлекательной для всего населения страны.

В условиях глобализации разделенного в социально-политическом отношении и переполненного социальными турбуленциями, неустойчивого и противоречиво развивающегося мира особенно востребованной становится гражданская идентичность, гражданское сознание и поведение. Проблематика нахождения оптимальных вариантов взаимодействия различных типов идентификационных стратегий в этнонациональной и гражданской сфере жизнедеятельности общества в связи с этим приобретает значительную актуальность. Вопросы становления гражданской идентификации и соотношения ее с национальной (этнической) идентификацией относятся к ключевым для понимания трансформационных процессов в период модернизации всех сфер жизнедеятельности современного белорусского, украинского и российского обществ и перехода их к устойчивому развитию.

Коммуникативное, информационное, ментальное пространства трансформируются и своеобразно воздействуют на существование отдельных политических, социальных и этнонациональных дискурсов. Поэтому общество транзитивного типа, ввиду трансформации традиционных параметров функционирования политической, социальной, культурной сфер, остро нуждается в адекватной национальной и гражданской идентичности своих членов. Формирование последней способствует выработке активной гражданской и политической позиции, что, в свою очередь, становится важным фактором устойчивого развития общества.

Гражданская идентичность в современном обществе реализуется посредством обретения человеком институциональных, ментальных и личностных характеристик, воплощенных в объективном социальном, экономическом и политико-правовом статусе гражданина, в нормативно-ценностных установках его общественной деятельности в рамках определенного государства. Такая идентичность не наследуется по факту рождения, а приобретается индивидом — гражданином — посредством овладения гражданской субъектностью в процессе реального социально-политического действия (участие в выборах, в деятельности общественных организаций, политических партий и т.п.). Гражданская идентичность как субъектно-объектная сущность чаще всего проявляется в национально-специфической форме, поэтому вполне правомерно употреблять понятие “национально-гражданская идентичность”, как это делают Л.Дробыжева, С.Перегудов, Ю.Резник, И.Фин и другие социологи и политологи.

Признавая правомерность такого категориального конгломерата, должен вместе с тем обратить внимание на то обстоятельство, что гражданская идентичность более динамична по сравнению с национальной. Когнитивное наполнение той и другой идентичности способно дополнять друг друга. Это позволяет говорить о совместимости таких идентичностей. Но такая совместимость возможна при определенных условиях. Формирование гражданского сознания, солидаризация с ценностями человеческого достоинства, свободы и ответственности, уважения к индивидуальному выбору

могут стать факторами, цементирующими гражданскую и этническую идентичность, делающими государственную идентичность привлекательной для всего населения страны.

В процессе формирования и упрочения гражданской идентичности большое значение имеет утверждение в сознании и поведении большинства населения страны важности идеи гражданственности. Эта идея, овладевая массовым сознанием и воплощаясь в практических действиях больших социально-демографических и территориально-поселенческих групп, становится мощным конструирующим фактором формирования человека — гражданина, готового и способного не только чувствовать свою причастность к судьбам своего народа, но и эффективно трудиться не только ради собственного благополучия, но и во имя благополучия своей Отчизны.

Воплощение идеи гражданственности в чувствах, сознании, волевых устремлениях и практических действиях людей происходит в едином русле с формированием и развитием в стране гражданского общества. Последнее характеризуется как сфера социально-гражданственной самоорганизации индивидов и добровольно сформировавшихся граждан, защищенных правовыми нормами от прямого вмешательства и произвольной регламентации разнообразной деятельности граждан со стороны государственной власти и ее органов. Оно функционирует как общество, достигшее партнерских отношений с государством, но одновременно способное осуществлять контроль над органами государственной власти, как общество, в котором возможность граждан реализовать свои права и обязанности дополняется способностью и стремлением государства обеспечить права и свободы своих граждан.

О том, насколько развита гражданственность в современном белорусском обществе, можно судить на основе анализа материалов социологических исследований. Наиболее существенные из них таковы: считают необходимым неукоснительное соблюдение равенства и социальной справедливости 38,0% от общего числа опрошенных, 30,0% считают, что важно установить контроль за доходами и расходами чиновников, 30,4% — расширить возможности для граждан участвовать в политической жизни страны, 11,0% настаивают на желательности привлечения общественных организаций к принятию политических решений и управлению государством. В ответ на вопрос “Как Вы считаете, что такое гражданское общество?” большинство респондентов (62,3%) заявили: “гражданское общество — это свобода личности, слова и обеспечение прав человека”, 41,0% считают, что гражданское общество существует только там, где обеспечены личная безопасность и неприкосновенность частной жизни, 41,7% — там, где существуют гласность и доступность информации о положении дел в обществе. Более трети (36,1%) опрошенных убеждены, что гражданское общество функционирует только в таких условиях, в которых обеспечено участие граждан в государственном управлении, а 16,8% полагают, что гражданское общество может существовать только в условиях конструктивного сотрудничества политических партий и общественных организаций с государством (сумма процентов в этих данных больше 100, так как каждый респондент мог ответить одновременно на 2—3 вопроса). Характерно, что признают необходимость вовлечения граждан в государственное управление 40,0% рабочих, 39,2% крестьян и рабочих сельского хозяйства, 46,1% студентов, 35,7% специалистов производственной сферы, но только 26,0% руководителей высшего звена.

В процессе проведенных в последние годы всебелорусских социологических исследований выяснилось, что идентифицируют себя с гражданами Беларуси более половины жителей республики, причем проявляется весьма существенная тенденция, состоящая в более интенсивном возрастании гражданской идентичности в сопоставлении с национальной идентичностью.

О динамике развития национальной и гражданской идентичности в их взаимодействии в современном белорусском обществе может дать представление анализ эмпирических социологических исследований, осуществляемых в диахронном развороте, охватывающем пятилетний интервал с 2007-го по 2012 год включительно. Не вдаваясь в квантификационные подробности, следует обратить внимание на общий рост значимости маркеров как национальной, так и гражданской идентичности. Количество респондентов, отождествляющих себя с лицами своей национальности, в 2007–2012 годах возросло с 43,5% до 75,3%, а идентифицирующих себя с гражданами Беларуси — с 37,3% до 77,5%.

Когда мы анализируем основные тенденции развития национальной и гражданской идентичностей, то следует обратить внимание на очень серьезную особенность, проявляющуюся в том, что квантификационные характеристики данных процессов в Беларуси и Украине очень близки, почти тождественны. Если в Беларуси соотношение названных идентификаций составляет 75,3% к 77,5%, то в Украине, по данным мониторинговых исследований, осуществляемых Институтом социологии НАНУ, — 79,1% к 82,8%.

Возрастание значимости формирования и конструктивного функционирования гражданской идентичности предопределяется тем, что она выступает, во-первых, важным фактором консолидации народа и сохранения его целостности, во-вторых, способствует активному включению граждан в совершающиеся в стране общественно-политические процессы; в-третьих, создает предпосылки и возможности включения различных групп населения в обсуждение, принятие и реализацию управленческих решений.

Вопросы становления социальной, гражданской идентификации и соотношения ее с национальной (этнической) идентификацией принадлежат к ключевым для понимания трансформационных процессов в период модернизации всех сфер жизнедеятельности современного белорусского общества.

Осознание себя, своего места в государстве, идентификация с ним, воплощающаяся в гражданской идентичности, играют важную роль в социальном развитии общества. Эти ценностные эталоны обуславливают солидарность и консолидацию больших социальных групп и придают новые импульсы общественному развитию.

В момент образования новых социальных страт, групп, корпораций, социальных институтов ориентации населения в различных сферах деятельности опираются на базовые ценности, к каковым можно отнести и ценность Родины, ее благополучия. Осознание себя, своего места в государстве, идентификация с ним обуславливают солидарность больших групп и придают новые импульсы общественному развитию.

При всем многообразии и разнокачественности таких трансформаций остается неизменным некий стержень социально-духовных ориентаций народа, ядром которого остается безоговорочная ценность Родины, ее благополучия. Именно такие представления становятся цементирующими в обществе и составляют прочный фундамент его интегрированности, воплощаясь в

том компоненте идентичности, который называется патриотизмом. На задаваемый белорусскими социологами вопрос “Что для Вас значит быть патриотом Беларуси?” большинство респондентов отвечают так: “любить свою страну” (87,2%), “стремиться улучшить жизнь в стране” (84,6%). Отметим, кстати, что социологический опрос, проведенный в 2012 году в минских школах, показал, что мнение о размывании чувства патриотизма у молодежи является предвзятым: 64,2% учащихся старших классов считают себя патриотами, а 56,7% готовы посвятить свою жизнь процветанию Отчизны.

Динамичные трансформации в развитии идентичности граждан современного белорусского общества связаны не только с глубокими изменениями социально-экономических, политических и социокультурных условий жизнедеятельности различных социальных групп и отдельных индивидов, но и со все более глубокой и многосторонней включенностью Беларуси в глобальную систему взаимосвязей в мировом сообществе государств. Поэтому в исследовании идентификационных трансформаций необходимо учитывать не только внутривнутристрановой, но и международный, даже глобальный аспекты. Это тем более важно, что в настоящее время сепаратистские идентификационные настроения и действия проявляются во множестве стран — в Испании, Франции, Бельгии, Турции, Великобритании и др. Если взглянуть на рассматриваемую проблему в более широком, международном контексте, то становится понятным, что именно национальная идентичность, взаимосвязанная с гражданской идентичностью, составляет сущностную основу сохранения идентичности страны и одновременно важнейший ресурс ее конкурентоспособности во взаимодействии с различными — дружественными и враждебно ориентированными — партнерами в условиях углубляющейся глобализации современного мира.

Сопоставительный анализ траекторий возрастающих и взаимоусиливающих друг друга национальной и гражданской идентификации выявляет все большую значимость их для национальной безопасности Беларуси. Ведь стратегия национальной безопасности страны опирается не только на национальную идентификацию белорусского народа, но и (даже прежде всего) на обеспечение прочной государственности, государственного суверенитета, независимости и государственного достоинства Беларуси как в содружестве с близкими по исторической судьбе, национальному менталитету, религии и культуре народами России и Украины, так и в мировом сообществе государств. Поэтому она, помимо всего прочего, базируется на присущей белорусскому народу высокой и непреклонной гражданской идентичности.